

Дзию Кеннетт: повседневный дзэн

В произведении бывшей настоятельницы буддийского «аббатства» в Калифорнии Дзию Кеннетт демонстрируется образ дзэн, несколько непривычный для отечественного читателя, чье восприятие этой дальневосточной школы махаяны во многом обусловлено популярными книгами Дайсэцу Тэйтaro Судзуки и его сторонников. В этих книгах дзэн предстает, прежде всего, как некое сакральное пространство, исполненное «внезапной» просветленной мудрости, приобщиться к которой можно с помощью специфических, подчас довольно экстравагантных методов, активно «взламывающих» клишированное сознание ученика. В то же время Д. Т. Судзуки и другие вдохновленные им авторы истолковывают дзэн как сверхчеловеческое, трансцендентное начало жизни, обнаруживая его аналоги во всех мистических учениях – суфизме, йоге, даосизме, мистическом христианстве и т. д. И хотя при этом не отрицается, что подавляющее большинство известных адептов дзэнского духовного пути испокон веков относились к монашеству, данный факт все-таки не акцентируется: ведь дзэн есть дух, который свободно «веет, где хочет», независимо от того, к каким слоям общества принадлежат носители этого духа. Дзэн подается как бы изнутри, с точки зрения дзэнского же последователя, с психологической и философской стороны. Наверное, такая трактовка дзэнского мировоззрения – одна из причин его успеха среди западных интеллектуалов, тяготеющих к философии жизни, экзистенциализму, психоанализу.

Между тем, как оказывается, дзэн можно рассматривать и под совершенно иным, социальным углом зрения, едва намеченным в прежних популярных истолкованиях дзэн. Эта сторона, долго время находившаяся в тени более яркой, психологической, репрезентации, зримо выступает в книге Дзию Кеннетт.

Автор книги «Водой торгуя у реки» Пегги Кеннетт родилась в Англии 1 января 1924 г. В том же году Крестмасом Хамфрисом было основано Лондонское буддийское общество, членом которого вскоре стал отец Пегги. По всей видимости, именно благодаря этому увлечению отца заинтересовалась буддизмом и его дочь, вступившая в общество в 1950-е гг. и через некоторое время начавшая читать лекции по этой древнейшей мировой религии. Параллельно с религиозными штудиями Пегги изучала средневековую музыку: она училась в музыкальном колледже в Лондоне, а потом получила степень бакалавра музыки в Даремском университете. Некоторое время она работала церковным органистом. Десятилетия спустя эти музыкальные познания пригодились Дзию Кеннетт при организации деятельности основанного ею в

---

¹ Предисловие к книге: *Дзию Кеннетт. Водой торгуя у реки*. СПб.: Наука, 2005. С. 421 – 431.

Америке дзэнского монастыря, в котором на органе звучали буддийские «хоралы», напоминавшие своим звучанием григорианские распевы.

Впрочем, на первых порах П. Кеннетт привлекал так называемый «южный» буддизм, под которым традиционно подразумевается школа тхеравада. Однако новые веяния в послевоенное время, и, в частности, знакомство с Д. Т. Судзуки направило ее интересы в иное русло. Молодая англичанка отправилась на Восток с целью более глубокого приобщения к дзэн-буддийской традиции. В начале 1962 г. она прибыла в Малайзию и какое-то время подвизалась в тамошней общине школы риндзай. Именно там она приняла полные буддийские обеты от наставника Сек Ким Сена. При посвящении она получила и новое, монашеское, имя, которое представляло собой распространенный в буддизме титул «добрый друг» (санскр. *сумитра*). Наставник дал ей китайский вариант этого имени (*цзыюй*), японским прочтением которого было *дзю*. Последнее имя и закрепилось за нашим автором.

Уже через три месяца после пребывания в Малайзии бывшая мирянка Пегги Кеннетт, ставшая теперь Дзю Кеннетт, отправилась в Японию с целью более обстоятельного изучения дзэн. Она прибыла туда по приглашению крупного иерарха школы сото – Кэйдо Тисана Кохо-дзэндзи. Этот мастер был настоятелем Содзидзи (Йокогама), одного из крупнейших монастырей сото-дзэн. И уже через год после начала занятий, в 1963 г., она получила от своего наставника передачу дхармы, что позволило ей быть *роси* – мастером дзэн. В то время получение такой передачи женщиной, тем более западной, шло вразрез с устоявшимися веками обычаями и считалось делом неслыханным. Однако авторитет наставника до поры до времени защищал его западную ученицу от поднявшегося со стороны дзэнских консерваторов недовольства.

Кроме этой передачи, Дзю Кеннетт получила также степени *кёси* и *сэй*, которые примерно соответствуют степеням магистра и доктора богословия. Все эти степени, а также ранг *роси*, позволяли священнослужительнице английского происхождения уже во время пребывания в Японии занимать различные должности; среди прочего, она была настоятельницей храма в префектуре Миэ.

Поддержка, которую оказывал ей мастер Тисан Кохо, была связана еще и с тем, что он мечтал об установлении линии сото на Западе и о грамотной проповеднической деятельности западного учителя сото. Об этом он говорит в предисловии к книге. Однако после смерти японского наставника в 1969 г. Кеннетт лишилась поддержки: долго сдерживавшаяся недоброжелательность по отношению к ней вышла на поверхность, и она была вынуждена покинуть Японию. Дзю Кеннетт поехала в США; вначале она выступала с лекциями о сото в Сан-Франциско, а затем основала Общество дзэнской миссии (Zen Mission Society). В ноябре 1970 г. это общество обосновалось в районе горы Шаста (Северная Калифорния), организовав там дзэнский монастырь, прославившийся впоследствии своими строгими порядками. В 1978 г. Общество дзэнской миссии было переименовано в Орден буддийских созерцателей (The Order of Buddhist Contemplatives), который существует и по

сей день. Его нынешним настоятелем является преподобный Харё Янг, избранный на этот пост в апреле 2004 г.

Дзию Кеннетт читала лекции в различных университетах мира, сотрудничала в некоторых проектах с Калифорнийским университетом и Институтом трансперсональной психологии. Кроме того, она основала различные буддийские группы в разных странах мира – в Англии, Германии, Нидерландах, Канаде, США, а также подготовила много западных священников линии сото.

Ее перу принадлежит несколько произведений, в том числе таких как: «Вечная жизнь дзэн: руководство по дзэн-буддийской практике», двухтомник «Дикий белый гусь», описывающий годы ее пребывания в Японии; «Книга жизни» – трактат о карме и здоровье, написанный в соавторстве с Дайдзием Макфиллэми; «Как взрастить цветок лотоса, или как дзэн-буддист готовится к смерти»; «Литургия Ордена буддийских созерцателей для мирян» и др.².

Преподобная Дзию Кеннетт умерла 6 ноября 1996 г. от диабета.

Появление данной книги с таким типично дзэнским названием, но с таким нетипичным содержанием, вряд ли стало бы возможно без сложившегося устойчивого интереса к дзэн со стороны западной аудитории. И если произведения Судзуки, заложившие основы этого интереса, ориентировались на просвещенную философствующую публику, жаждавшую расширить границы своих познаний, то автор «Водой торгуя у реки» обращается к тем носителям западной культуры, которые пошли дальше простого интереса к восточной традиции и готовы вступить на путь духовного служения. Главной целью труда Дзию Кеннетт было «создание исчерпывающего труда по дзэн-буддизму для тех, кто стремится практически овладеть дзэн и намеревается впоследствии встать на путь священнослужителя». Вот почему эта книга становится, по сути, методическим учебным руководством, в котором ее автора заботят даже такие, казалось бы, мелочи, как порядок прочтения отдельных фрагментов книги. Кроме того, уделяется много внимания темам, весьма скупо упоминаемым (если вообще упоминаемым) авторами прежних сочинений о дзэн – в частности, иерархии духовных лиц, а также различным церемониям и празднествам, в которых те участвуют. Впрочем, из-за всего этого текст не превращается в набор сухих специфических инструкций для духовенства, он остается интересным и для тех, кто предпочитает практиковать дзэн в миру.

Собственно мировоззренческая сторона заботит нашего автора в гораздо меньшей степени, ведь «дзэн-буддизм – это религия, и она нуждается в вере, а не в философии». При чем это вера (и, прежде всего, вера в наличие у всех существ природы будды), так сказать, рационально взвешенная, чуждая экзальтическим порывам, мистическим видениям и чудесам. К чудесам и

---

² *Zen is Eternal Life, a manual of Zen Buddhist training;*
The Wild, White Goose;
How to Grow a Lotus Blossom or How a Zen Buddhist Prepares for Death;
The Book of Life;
The Liturgy of the Order of Buddhist Contemplatives for the Laity.

видениям (яп. *макё*) Дзию Кеннетт относится резко отрицательно, полагая (как и многие другие адепты дзэн), что макё автоматически появляются в ходе дзэнской медитации и по своей сути иллюзорны. Их основу можно обнаружить в индивидуальных психофизиологических особенностях. Например, видения вызываются аскетическими практиками и вообще «противоестественной жизнью тела». Данное отношение к феномену чудесного позволяет буддийской последовательнице соответствующим образом толковать и евангельские эпизоды: «Галлюцинация учеников Христа после распятия, когда, как им казалось, они видели Христа «восставшим из мертвых», легко объяснима взвинченным состоянием их сознания в тот момент». На фоне таких «галлюцинаций» выгодно смотрится женщина-мастер Мо Шань, которая на провокационное предложение превратиться в мужчину холодно парировала, что она «не колдунья».

Одна из привлекательных для массового сознания сторон дзэн-буддизма состоит в умении этого направления обогатить духовными достижениями повседневную жизнь. Истина не находится в заоблачных высях, она проявляется здесь и сейчас, в мире, находящемся перед нами, частью которого мы же и являемся. Тем самым и повседневные занятия оказываются выражением дзэн; собственно, дзэн нивелирует саму границу между повседневным (в смысле обыденности, банальности) и уникальным: самые обычные вещи наполняются необычным смыслом, становятся экзотичными. Вспомним знаменитое восклицание мирянина Пан Юня: «Какое счастье! Я ношу воду, я рублю дрова!».

Впрочем, повседневность, представленная в книге Дзию Кеннетт, выглядит несколько иначе. Речь здесь идет о повседневной жизни сообщества монахов. Еще основатель сото, японский мыслитель Догэн, уделял большое внимание тщательной регламентации монашеской жизни, стремясь создать идеальные условия для духовной деятельности, далекой от светского сора. Вольный перевод тех частей труда Догэна, в которых изложены эти правила, и приводит преподобная Кеннетт. Кажется, учтены абсолютно все детали повседневного быта. Утреннее омовение, прием пищи, уход ко сну – это и многое другое производится в строго определенное время и строго определенным способом, окружено массой формальных деталей; сама повседневность становится своеобразным ритуалом, священнодействием, совершающимся непрестанно. Читая книгу, подчас задаешься вопросом: а как вообще возможны в таких условиях знаменитые спонтанные действия дзэнских адептов, их громкие пугающие «хэ!», пинки, демонстративное молчание, абсурдные фразы или резкие движения? Очень уж скованным на внешний взгляд выглядит образ жизни монахов сото, опутанной всевозможными нормами и запретами. Кажется, если бы не имя наставника дзэн, этот текст вполне можно атрибутировать перу какого-нибудь знатока буддийского монашеского церемониала.

Школа сото в подобной трактовке оказывается парадоксальным образом близкой к раннему буддизму, с его жесткой регуляцией всех сторон монашеской жизни, соблюдением 227 (для мужчин) и свыше 300 (для женщин)

правил винаи. По словам роси Кеннетт, сото, «возможно, является единственной школой буддизма махаяны, сохранившей некоторые изначальные индийские элементы буддизма тхеравады». Идеал просветления не утрачивает своей значимости, однако он гармонично соединяется с исполнением предписаний, иначе говоря, с правильным образом жизни. Всевозможные правила оказываются не столько цепями, сдерживающими свободный и спонтанный дух, но своеобразными ограничителями скорости, позволяющими духовному «водителю» устремляться в определенном направлении, преодолевая соблазн повернуть на сомнительные дороги, уводящие его прочь от обретения просветления. Осознанное исполнение предписаний уже само по себе представляет просветленную деятельность. Дзию Кеннетт отмечает, что истинное соблюдение заповедей состоит не в жесткой привязанности к ним как таковым, но в естественном следовании им, когда человек «ведет нравственную жизнь, но не в состоянии объяснить, почему, просто сама его природа заключается в этом».

Разумеется, предписания Догэна не следует считать воплощенной действительностью. Наш автор замечает, что «реальность, с которой вы встретитесь в дзэнских храмах Японии, зачастую далека от идеальной». Дзию Кеннетт предостерегает потенциальных учеников от возможных разочарований при встрече с действительным положением вещей; однако, хотя атмосфера современного храма не во всем совпадает с тем, что процветало во времена Догэна и Кэйдзана, тот уровень, который был задан древними мастерами, позволяет ему выступать в качестве идеальной цели и на современном этапе.

Приверженность английской буддистки школе сото сказывается и в несколько отрицательном отношении к конкурирующей школе риндзай (*риндзай*). Дзию Кеннетт приводит японскую поговорку о том, что риндзай – для военных, а сото – для крестьян; иначе говоря, риндзай элитарен, сото же демократично, будучи обращено ко всем людям. «В сото каждый может обрести путь к миру и свободе», отмечает она. Дзию Кеннетт соглашается с тем, что риндзай внес существенный вклад в японскую культуру, однако в плане развития религиозной жизни предпочтительнее все-таки выглядит именно сото. Наиболее же неприемлемой для автора оказывается методика, применяющаяся в школе риндзай, в частности, выпячивание системы коанов. Используя коаны, «навязывая их абсолютно всем», мастера риндзай жестко – можно даже сказать, революционно – атакуют стереотипы неофита, погружая его в состояние полной растерянности и тупика. По мнению Дзию Кеннетт, риндзай проповедует метод «ошеломляющий, ввергающий в недоумение, а потому часто неэффективный». В этом смысле сото, «эта религия обычного человека», выгодно отличается от риндзай, поскольку предлагает своим «пациентам» «щадрящий режим», более мягкое, эволюционное духовное развитие посредством длительного занятия сидячей медитацией (*дзадзэн*), которая уже сама по себе рассматривается как просветление. Преподобная Кеннетт желчно отзывается о современных ей риндзайских «коллекционерах», которые решают коаны механически, один за другим, словно шелкая семечки, да еще и похваляются друг перед другом своими якобы глубокими

достижениями. Впрочем, нельзя забывать о субъективности подобных оценок. По всей видимости, грустный опыт общения с такими вот дзэнскими зазнайками и настроил английскую буддистку на негативный лад по отношению к ним, а заодно и ко всей школе риндзай.

В целом Дзию Кеннетт не отрицает систему коанов, однако она, как и ее прославленные предшественники, отводит ей место исключительно в контексте дзадзэн. Наставники сото тщательно подбирают коаны под темперамент своих учеников и вместо активной трансформации психики с помощью коана дают ему возможность как бы постепенно «созреть» изнутри и упасть спелым плодом на ниву просветленного видения. И здесь опять возникает тема предписаний: «Единственной целью практики коанов всегда было и по сей день остается приведение адепта к истинному постижению и к соблюдению предписаний, то есть к выражению просветления в повседневной жизни».

Между тем похвальный консерватизм по отношению к проблематике предписаний сочетается у Дзию Кеннетт с новаторскими тенденциями. Получение традиционного тренинга в школе сото и близкое знакомство с реалиями дзэнских монастырей позволило ей избежать печальной участи многих западных духовных учеников, которые в своем увлечении каким-либо восточным учением начинают абсолютизировать восточных же носителей этого учения. Автор неявно возражает: Дальний Восток не имеет никакого монопольного права на дзэн, он просто может считаться первооткрывателем данного учения; по отношению к дзэн понятия «Запад» и «Восток» лишены смысла. В этом смысле западный адепт, достигший просветления и получивший от мастера печать Дхармы, ничуть не хуже своего восточного коллеги. Тем самым наш автор отказывается быть простым подражателем японским образцам, но скорее стремится, сохранив «вино» старинного учения, влить его в новые «мехи», иначе говоря, адаптировать его к западным обычаям и нормам. «Прошло много времени, прежде чем я поняла, что поездка в Японию не была для меня делом первой необходимости», замечает она, подразумевая, что истинное знание не связано с географией и поэтому искать его на Западе можно с тем же успехом, что и на Востоке.

Примечательно, что уважение, испытываемое автором к подлинным японским мастерам дзэн, ничуть не мешает ей критиковать их за подход, который они применяют к западным ученикам. Не учитывая глубокую разницу в менталитете, восточные наставники обращаются с западными последователями дзэн так, как они привыкли относиться к японским ученикам, забывая о сильном индивидуалистическом крене, свойственном западным людям: «Японские учителя... не в состоянии уяснить, что со взрослым человеком нельзя обращаться как с юнцом».

На фоне уже появившихся в нашей стране книг о дзэн произведение Дзию Кеннетт, несомненно, стоит особняком. Однако эта ее «маргинальность» носит только внешний характер. Внимательное чтение книги показывает, что ее автор находится в самом сердце буддийской традиции и соединяет в своем лице несколько разнонаправленных линий. Во-первых, в ее книге представлена традиционная школа, но не застывшая в своем консерватизме, не являющая

собой памятник старины, а живо откликающаяся на изменения в мире и учитывающая психологические и культурные особенности народов. Другими словами, Дзию Кеннетт удачно синтезирует традиции и новации. Во-вторых, преподавательница Кеннетт освещает те темы, к которым она так или иначе прикоснулась на собственном опыте: здесь трезвый анализ ученого соединяется с горячей верой религиозной последовательницы. Наконец, в-третьих, уважительное отношение Дзию Кеннетт к Востоку (не оборачивающееся при этом идолопоклонством) за его вклад в общее культурное наследие человечества не бросает тень пренебрежительности на Запад, за которым также признается возможность развития просветленного видения. И эта уверенность английской ученой в духовных ресурсах стран Запада, который способен создать собственную форму дзэн, резко контрастирует с весьма часто встречающейся у других авторов точкой зрения о духовной скудости «логического» Запада по сравнению с высокоразвитым «мистическим» Востоком. В лице Дзию Кеннетт мы встречаем представительницу нового типа людей, способных одинаково свободно существовать в пространстве разных культур и переплавлять их в органичное, плодотворное единство.